

Нуждин О. И. Клеменция Венгерская и династический кризис во Франции начала XIV века / О. И. Нуждин // Научный диалог. – 2013. – № 6 (18) : История. Социология. Этнография. – С. 8–20.

УДК 94(44)“13”

Клеменция Венгерская и династический кризис во Франции начала XIV века

О. И. Нуждин

Рассматриваются вопросы, связанные с династическим кризисом во Франции в начале XIV века, результатом которого стало установление нового порядка престолонаследия исключительно по мужской линии – так называемый «Салический закон», или «Салический порядок престолонаследия». Сделаны выводы о том, какое влияние династический кризис оказал на политическую ситуацию в стране. Показано значение кризиса для возникновения Столетней войны, имевшей форму династического конфликта.

Ключевые слова: Франция; Капетинги; династический кризис; Салический закон; престолонаследие.

Хорошо известно, что одной из главных причин Столетней войны стал династический кризис, разразившейся внутри дома Капетингов в первой трети XIV века. Неопределенность в порядке наследования французского престола привела к смене правящей династии, но такой переход не всеми был воспринят как однозначно легитимный. Свою роль в формировании конфликта довелось сыграть супруге, а потом и вдове короля Франции Людовика X – Клеменции Венгерской.

Центральным звеном конфликтной ситуации стал вопрос о праве женщин на занятие престола и о сопряженной с ним проблеме возможности передачи такого права по наследству.

Возможно, ключевую роль в развитии кризиса сыграл последний документ, принятый в правление короля Филиппа IV. 29 ноября

1314 года он опубликовал грамоту, изменившую статус графства Пуату, переданного в качестве апанажа среднему из своих сыновей – Филиппу. Согласно документу, в случае, если тот или кто-либо из его преемников скончается, не оставив после себя наследников мужского пола, владение должно будет вернуться в состав королевского домена. В тексте была сделана оговорка, частично объяснявшая причины принятого решения: владение должно вернуться в состав домена, чтобы «не попал этот апанаж в женские руки» [Дюби, 2001, с. 341].

Решение, прямо скажем, неординарное сразу по нескольким основаниям. Во-первых, графство Пуатье, ранее входившее в состав анжуйского наследства Плантагенетов, ранее уже передавалось в качестве апанажа сыновьям Людовика VIII безо всяких обременений. Во-вторых, впервые во французской практике представительницам женского пола было отказано в наследовании феодального владения. Этим документом был создан опасный прецедент, последствия которого для Франции оказались катастрофическими, потому что в ближайшем будущем заложенная в нем идея, касавшаяся исключительно домениальных владений короны, была распространена на королевство в целом.

Почему Филиппом IV был подписан такой документ – неизвестно. Но он напрямую ударял по интересам Бургундского дома и дома Артуа. Однако с таким решением короля согласились графы Карл де Валуа, Людовик д'Эвре, Ги де Сен-Поль, король Людовик Наваррский, коннетабль Франции Гоше де Шатийон и сам Филипп де Пуатье. По мнению Ж. Фавье, этот документ не выражал волю короля, так как тот находился в коме, о чем свидетельствует пометка «*per dominum Marrigniaci*» вместо обычной в таких случаях формулы «*per dominum Regem*» [Фавье, 2003, с. 279].

Смерть Филиппа IV не предвещала ничего критического для сложившейся системы управления. Его жена Жанна оставила много сыновей: Людовика, короля Наварры, который прежде всех имел право стать наследником королевства, Филиппа, графа де Пуатье и Карла, графа де Ла Марша. Дочь Изабелла вышла замуж за ан-

глийского короля Эдуарда II Плантагенета. Остальные дети умерли в младенческом возрасте [Les Grandes Chroniques..., 1837, p. 209].

Его преемник Людовик X в начале своего правления продолжил политику удаления от Бургундии. Став королем и получив в свои руки право помилования, он не использовал его и не вернул ранее осужденную за неверность бывшую жену Маргариту Бургундскую. Если бы он решился на такой шаг, его дочь Жанна была бы легитимизирована и ее права в дальнейшем не подвергались бы сомнению.

Но с конца 1314 года начались существенные перемены в развитии политической ситуации во Французском королевстве. В борьбу за власть активно включился брат умершего короля и дядя Людовика X Карл де Валуа. Его главным противником стал бывший советник Филиппа IV Ангерран де Мариньи.

Вплоть до 1314 года не имеется никаких сведений о неприязненных отношениях между ними, во многих внутри- и внешнеполитических мероприятиях они действовали рука об руку. Ситуация кардинальным образом изменилась в конце 1314 года, после смерти Филиппа IV. Очевидно, что, пока был жив Филипп IV, никто не решался оспаривать права его советника, «коадьютора короля Франции <...> и гувернера всего королевства» [Les Grandes Chroniques..., 1837, p. 206, 208, 209].

Следует отметить, что и ранее Карл де Валуа проявлял повышенное внимание к финансовой деятельности Ангеррана де Мариньи. Совместно с сыновьями Филиппа IV он однажды потребовал отчета о состоянии расходов казны. Но здесь, скорее, присутствовал практический, а не личный интерес.

Но со смертью Филиппа IV внутривнутриполитическая ситуация существенным образом изменилась. Людовик X был молод и неопытен. У Карла де Валуа появилась великолепная возможность занять при нем место первого советника и вместе с тем получить доступ к государственной казне.

Вот здесь, видимо, и кроется причина конфликта. Пока финансы оставались в руках Ангеррана де Мариньи, подобраться к ним у Карла де Валуа возможности не было. Поэтому он и вступил в от-

крытое противостояние с советником, поскольку только его смещение открывало путь к реализации политических амбиций.

Людовик X оказался в непростой ситуации: Ангерран де Мариньи был опытен и влиятелен, и, хотя у него было достаточно врагов, отказываться от его услуг только по этой причине было неразумно. Но не менее важной фигурой был Карл де Валуа, за его спиной стояла достаточно сильная группа знати, не считаться с мнением которой молодому королю было невозможно. Взвесив все основания, Людовик X решил пожертвовать Ангерраном де Мариньи и сохранить поддержку со стороны своего родственника.

Но безосновательно сместить Ангеррана де Мариньи было невозможно. Были необходимы очень веские причины. У Карла де Валуа в борьбе с Ангерраном де Мариньи имелся весьма ограниченный набор средств. Обвинить его в каких-либо политических ошибках было сложно, так как все решения принимались с ведома и одобрения Филиппа IV. Оставались финансы. И предъявление обвинения в махинациях с государственными средствами было многообещающим.

Имеющиеся источники подтверждают тезис о том, что финансовый вопрос стал одним из важнейших в борьбе. Жиль Ле Мюизи заявил о недовольстве со стороны Карла де Валуа безмерной роскошью Ангеррана де Мариньи, его поведением при ведении переговоров, когда тот поступал так, как «приличествует только королю» [Muisit, 1906, p. 85]. Автор «Больших Французских хроник» описал безмерное удивление Карла Валуа, обнаружившего пустую казну [Les Grandes Chroniques..., 1837, p. 210–211]. Весной 1315 года бывшему советнику было предъявлено 41 обвинение, он был осужден и казнен [Les Grandes Chroniques..., 1837, p. 212–217].

Тем временем Людовик X активизировал свою брачную политику. По его поручению советники занялись поиском новой невесты, причем вне пределов Французского королевства. Возможно, таким способом они пытались обеспечить королю независимость от внутрифранцузских группировок. В качестве новой жены была избрана Клеменция, происходившая из Анжу-Сицилийского королевского дома. К ней, племяннице короля Сицилийского королевства Роберта,

дочери Карла Мартелла, сына Карла I, Людовик X направил своего шамбеллана и секретаря Юга де Бувилля для обсуждения вопроса о предполагаемом браке [Les Grandes Chroniques..., 1837, p. 223 – 224]. После сравнительно короткого переговорного процесса между двумя семействами было достигнуто принципиальное соглашение: Клеменция выйдет замуж за Людовика X, но только после расторжения его брака с Маргаритой Бургундской.

Можно было бы испросить разрешения на развод у Римского папы, но после смерти Климента V в мае 1314 года и вплоть до начала 1315 года кардиналы так и не определились с преемником на престоле Святого Петра. И когда появится новый папа, не мог сказать никто.

Но бесконечно ждать ни Клеменция, ни ее брат – король Венгрии – не могли. И уже в апреле 1415 года Маргарита Бургундская была найдена мертвой в своей камере замка Шато-Гайар. Официальное французское летописание констатировало естественную смерть, от болезни [Les Grandes Chroniques..., 1837, p. 220]. Но почти сразу и во Франции, и за ее пределами поползли слухи о том, что Маргариту Бургундскую убили по приказу Людовика X. Так, флорентийский хронист Джованни Виллани в своей «Новой хронике» прямо записал, что «он велел удавить ее с помощью салфетки» [Виллани, 1997, p. 267].

Так или иначе, но смерть Маргариты Бургундской оказалась как нельзя кстати. Король был свободен и мог с полным правом жениться вторично. Уже в июле он заключил брак с Клеменцией, сделал ее королевой. На момент бракосочетания новобрачной исполнилось 22 года (она родилась в феврале 1293 года), что по средневековым меркам было достаточно много.

За невестой в Неаполь прибыл Жан де Жуанвиль, сподвижник короля Людовика IX, и в его сопровождении невеста отъехала в Париж. Во время одной из переправ кортеж попал в бурю, Клеменции пришлось пожертвовать частью своих свадебных драгоценностей, но она сумела сохранить жизнь. Но сопровождающие сочли произошедшее дурным предзнаменованием.

Бракосочетание состоялось 1 августа 1415 года в Труа. К алтарю новобрачную вел дядя Людовика X Карл де Валуа, обряд совершил

епископ Жан д'Оксуа. Через два дня молодожены были коронованы в Реймсе архиепископом Роббером де Куртене.

Новая королева получила свою долю от «наследства» казненного Ангеррана де Мариньи. Людовик X пожаловал жене баронию Мариньи и ленные владения, земли и права во фьефе в Менневилле, Эбекуре, Сен-Дени-ле Ферман, Варде, Экуи и Веркливе [Фавье, 2003, с. 302–303]. Они представляли собой весьма богатый и достойный свадебный дар, позволявший Клеменции Венгерской иметь хороший доход и рассчитывать на услуги многочисленных вассалов.

В ознаменование счастливого бракосочетания Людовик X считал необходимым пойти навстречу своему брату в его настойчивых просьбах. Особым распоряжением короля жена Филиппа де Пуатье Жанна Бургундская получила официальное прощение, была освобождена из-под стражи и вернулась к мужу. Тем самым ситуация в стране существенно изменилась в пользу Бургундского дома. Одна из его представительниц не только вернулась во власть, но и получила шанс стать королевой. Но он был очень иллюзорным, а для предположения преждевременной смерти короля и его наследника не было оснований.

В марте 1316 года в небе над Парижем появилась комета. Это событие сочли плохой приметой, предвещавшей скорое разрушение королевства [Les Grandes Chroniques..., 1837, р. 227], и не ошиблись.

События не заставили себя ждать. Заболел и 5 июня 1316 года скончался Людовик X. Его преждевременная смерть стала прологом к затяжному династическому кризису, который в основном был преодолен только к середине следующего столетия, а главным способом его разрешения стала война, получившая название *Столетняя*.

На момент смерти Людовика X его вдова Клеменция Венгерская была беременна, и была значительная вероятность того, что родится мальчик. Пользуясь моментом, активизировались бургундский дом и дом Артуа в лице графини Маго. Три влиятельных семейства королевства столкнулись друг с другом в борьбе за влияние на королевскую власть.

На период до родов и далее на время, необходимое для достижения совершеннолетия в соответствии с устоявшимися традициями требовалось учредить регентство. Претендентами на этот пост могли стать Карл де Валуа, барт Филиппа IV и дядя Людовика X, герцог Бургундии Эд IV, дядя Людовика X по материнской линии и опекун его дочери Жанны. Наконец, право имели граф де Пуатье Филипп, брат Людовика X и сын Филиппа IV.

Маго д'Артуа поддержала своего зятя Филиппа, графа Пуатье в его претензиях на лидерство в королевстве. Срочно прибыв из Лиона [Les Grandes Chroniques..., 1837, p. 228], он созвал совет и предложил ему систему управления на период до родов королевы. Ассамблея постановила, что «охранять управление королевствами Франции и Наварры должен Филипп, сын короля Франции» [Там же], а в случае, если бы королева родила мальчика, Филипп становился регентом до его совершеннолетия. Но мальчик считался королем с самого рождения.

В случае если бы родилась девочка, ассамблея должна была передать право решения вопроса иному собранию, которое должно вынести вердикт, когда та достигнет совершеннолетия – тринадцати лет. По достижении этого возраста дочь Людовика X должна будет выразить, желает ли она стать королевой. И в этом случае «хранителем» короны оставался граф Пуатье Филипп.

Таким образом, совет баронов королевства однозначно высказался за соблюдение традиций. Французская монархия оставалась наследственной, в которой власть передавалась от короля к ближайшему преемнику. При этом предпочтение отдавалось мужчинам перед представительницами женского пола. Но, на что следует обратить внимание, речь о лишении женщин прав на корону не шла.

Решение ассамблеи о регентстве не менее важно, чем решение о принципах наследования. Из трех претендентов она избрала графа де Пуатье Филиппа, отказав графу де Валуа и герцогу Бургундии. Здесь можно усмотреть два принципа, которыми, вероятно, руководствовались бароны. Во-первых, власть оставалась в семье Капетин-

гов, во-вторых, соблюдалось относительное равновесие во власти, не дававшее очевидного преимущества ни одной из группировок.

Но без уступок не обошлось. Карл де Валуа получил денежную компенсацию, а Эд Бургундский – подтверждение прав Жанны на наваррское наследство.

Документ, принятый ассамблеей, должен был дать правовое решение проблемы наследования французского престола. Его авторы исходили из предположения, что если родится ребенок, будь то мальчик или девочка, то он будет жить долго, по меньшей мере, до совершеннолетия. Никто не предполагал, что ребенок может умереть во младенчестве, и, соответственно, никаких мер на этот случай не предусматривал.

Родившийся у Клеменции Венгерской мальчик был наречен Иоанном. Он прожил пять дней и скончался, положив начало новому кризису. Р. Амбелен считал, что скорая смерть Людовика X и его новорожденного сына Иоанна I была частью плана графини Маго д'Артуа, которая последовательно отравила Людовика X и Иоанна I, чтобы расчистить путь для своего зятя, графа де Пуатье Филиппа Длинного [Амбелен, 1993, с. 79–82]. Действительно, любая скоропостижная смерть вызывает подозрения, но никаких доказательств убийства, кроме догадок и предположений, не существует.

Ситуацию с преждевременной смертью короля собиравшаяся в июле 1316 года ассамблея не предусмотрела и мер на этот случай не выработала. Теперь нужно было решать проблему передачи власти от Иоанна I к иному наследнику.

К 1316 году во Французском королевстве уже сложилась определенная и, как казалось, вполне стройная система передачи власти. Она базировалась на нескольких принципиальных моментах.

Во-первых, с приходом к власти династии Капетингов стало формироваться наследственное право, в соответствии с которым королевская власть передавалась внутри рода и не могла отчуждаться за его пределы. Также в качестве кутюмы существовало представление, что наследник не может быть лишен своего права даже в порядке наказания за совершенные им ошибки или даже престу-

пления. Тем самым правила наследования французского престола выводились за нормы существовавших в то время представлений о праве наследования.

Вплоть до времени правления Филиппа II наследственное право сочеталось с правом выборности, кандидатура будущего преемника согласовывалась с представителями высшей светской и духовной знати. Но уже Людовик VIII пришел к власти, минуя принцип выборности. С этого времени престол королевства передавался исключительно по наследству.

Во-вторых, с 1031 года, с приходом к власти короля Роберта I, сложилось право примогенитуры. В соответствии с его нормами, даже если у почившего короля было несколько наследников, престол мог быть унаследован только одним из них, а именно старшим. Отказаться в пользу братьев наследник не мог. Право примогенитуры хорошо дополняло наследственное право.

В-третьих, право примогенитуры содействовало формированию представлений о неделимости королевского домена и королевства в целом между наследниками. Поэтому, даже если у почившего короля было несколько сыновей, старший из них наследовал все.

В-четвертых, само собой сложилось право передачи власти по мужской линии. Ни в каких кутюмах вплоть до XIV века никак не было сформулировано, что наследниками могут быть только представители мужского пола. В силу традиции получилось так, что у королей наряду с дочерьми всегда были наследники-сыновья. И именно им отдавалось предпочтение перед дочерьми. Но о том, что дочери вообще лишены права на престол, речи не было.

В-пятых, агнатское право давало возможность строго иерархизировать всех наследников сверху вниз, что позволяло определить в спорных случаях объем прав каждого из них на оспариваемое наследство [Vonnefin, 1987, p. 101–102].

После смерти Иоанна I сложилась непростая ситуация. Впервые в династической практике Капетингов король умер, не оставив после себя никаких наследников, ни мужского, ни женского пола. Это оказалось не предусмотрено никакими правилами, поэтому все

остальные действия можно рассматривать как правовой экспромт. Не было никаких сомнений, что преемник должен происходить из рода Капетингов, и против такого положения никто не возражал. Но относительно кандидатуры возникли большие разногласия.

Из числа претендентов сразу оказалась исключенной дочь Людовика X Жанна. Такое решение было вполне правовым, поскольку ситуация изменилась принципиально. Летом 1316 года речь шла о том, кто станет преемником Людовика X, а осенью того же года – уже о том, кто наследует Иоанну I. И если Жанна, пусть с оговорками, могла рассматриваться как наследница своего отца, то ее права как наследницы брата были сомнительными.

Тем не менее, Жанна оставалась в числе претендентов на престол наряду с братьями Людовика X Филиппом и Карлом. Но против нее играло сразу несколько обстоятельств. В частности, можно отметить и ее малолетство, и спорный вопрос о законнорожденности. Но самое главное сводилось к тому, что Жанна была женского пола. Как мы уже отмечали, общая тенденция французской политики в конце правления короля Филиппа IV сводилась к постепенному ограничению в правах женщин на наследство. Об этом же свидетельствовало и решение ассамблеи знати летом 1316 года. И хотя прецеденты, когда женщина управляла Французским королевством в качестве регента, уже были, представить ее себе в качестве единоличного монарха знати было сложно. Еще в XIII веке кардинал Ле Брэ утверждал, что женщин следует исключить из наследования и управления на основании естественного права. По своему происхождению они являются существами несовершенновыми, слабыми телом и умом, и поэтому они должны пребывать под властью мужчин [Vonnefin, 1987, p. 124].

Поэтому естественным претендентом на корону должен был стать мужчина, обязательно член правящей династии, максимально близкий к последнему королю. Таким человеком по отношению к Иоанну I мог быть его дядя – граф Филипп де Пуатье. Тот уже был готов к подобному развитию событий. Он уже заказал себе печать с изображением короля, восседающего на троне, на случай, если

у Клеменции Венгерской родится девочка. А после смерти Иоанна I он действовал стремительно. Воспользовавшись тем, что на рождение Иоанна приехала знать королевства, он созвал ее на ассамблею. На ней он заявил, что считает себя «самым прямым наследником власти». 9 января 1317 года он короновался в Реймсе.

Но его права не показались однозначными знати и духовенству королевства. На церемонию коронации и миропомазания не прибыли герцог Гиньский Эдуард (он же король Англии), отсутствовали герцоги Бретонский и Бургундский. Герцог Бургундии стал формировать коалицию из числа не признавших власть нового короля, но когда его племяннице Жанне была обещана рента в 15 тыс. ливров в год, а невесте – графства Артуа и Бургундия, он примирился с новой властью.

В феврале 1317 года король Филипп V на собрании знати дал правовое обоснование своей власти. В подготовленной легистами речи содержалось указание, что женщина не может быть наследницей королевства Франция. Эта мысль находилась в общем русле развития французской монархии, обозначившейся уже со второй половины XII века. Главное ее положение сводилось к идее, что король выше феодального закона, следовательно, и правила наследования престола принципиально иные. Отличие заключается в том, что женщина не может быть главой королевства.

Но столь резкое изменение представлений о власти не было воспринято как однозначно убедительное. Автор «Больших французских хроник» отметил, что «доказать это не смогли». О рецепции Салического права в 1317 году речи еще не было. К нему, как правовому обоснованию, французские легисты стали прибегать значительно позднее – в 50-х годах XIV века. В правление короля Карла V Рауль де Прель в своих комментариях к сочинению Августина «О Граде Божьем» заявил, что правило, по которому женщины во Франции не могут быть наследницами престола, было введено еще королем Фарамондом. В дальнейшем был предложен еще один аргумент против наследования по женской линии: власть короля носит такой же сакральный характер, как и власть священника, и как женщина не может быть священником, так она не может взойти и на

престол Франции [Малинин, 2000, р. 202, 203]. Об этом же писал и францисканец Франсуа де Мейронн, ссылаясь на «Книгу Царств». Статус монарха аналогичен статусу первосвященника, а они были исключительно мужчинами [Дюби, 2001, р. 341].

С этого времени в правила наследования была введена новая норма, согласно которой женщина, даже происходящая из рода Капетингов, не могла претендовать на престол. Французская монархия становилась исключительной среди остальных монархий Европы – она могла передаваться по наследству исключительно по мужской линии. Все это как нельзя лучше соответствовало новой французской королевской идеологии. Но ее создатели не могли предполагать ее последствий.

Тем временем Клеменция Венгерская удалилась из активной политической жизни. В 1317 году она покинула Париж и уехала в Авиньон под покровительство папы. Вскоре она постриглась в монахини монастыря Св. Марии из Назарета, где и скончалась 13 октября 1328 года в возрасте 35 лет.

Она умерла в год, когда ушел из жизни последний из прямых потомков Филиппа IV и к власти пришла боковая ветвь династии Капетингов – Валуа. Это событие стало прологом к столкновению династических интересов Франции и Англии, невозможность разрешить которое легитимным путем привело к Столетней войне.

Литература

1. Амбелен Р. Драмы и секреты истории / Р. Амбелен. – Москва : Прогресс – Академия, 1993. – 303 с.
2. Виллани Дж. Новая хроника, или история Флоренции = Nuova Cronica / Д. Виллани ; пер. М. А. Юсим ; пер., ст. и примеч. М. А. Юсима. – Москва : Наука, 1997. – 550 с.
3. Дюби Ж. Средние века (987–1460) : от Гуго Капета до Жанны д'Арк / Ж. Дюби ; пер. с фр. Г. А. Абрамова, В. А. Павлова. – Москва : Международные отношения, 2001. – 416 с.
4. Малинин Ю. П. Общественно-политическая мысль средневековой Франции XIV–XV вв. / Ю. П. Малинин. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2000. – 233 с.

5. *Фавье Ж.* Ангерран де Мариньи : советник Филиппа IV Красивого : пер. с. фр. / Ж. Фавье. – Санкт-Петербург : Евразия, 2003. – 335 с.

6. *Bonnefin A.* Le monarchie française. 987–1789. Constitution lois fondamentales / A. Bonnefin. – Paris : Éditions Franc-Empire, 1987. – 398 с.

7. *Les Grandes Chroniques de France*, selon que elles sont consevées en l’Eglise de Saint-Denis en France / Publ. par M. Paulin-Pâris. – Т. 5. – Paris : Techener, 1837. – 508 p.

8. *Muisit G. le.* Chronique et annales / Gilles Le Muisit; Éd. Henri Lemaître. – Paris : Librairie Renouard, H. Laurens, 1906. – 336 p.

© Нуждин О. И., 2013

Clementia of Hungary and French Dynastic Crisis in Early XIV Century

O. Nuzhdin

The article addresses issues concerning the dynastic crisis in France in the early XIV century which resulted in establishment of the new order of agnatic succession – the so-called “Salic law” or “Salic Law of Succession”. The author draws some conclusions on the influence of the dynastic crisis upon the political situation in the country and reveals the role of the crisis in the outbreak of the Hundred Years’ War which was the form of a dynastic conflict.

Key words: France; Capetian dynasty; dynastic crisis; Salic law; succession.

Нуждин Олег Игоревич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Института гуманитарных наук и искусств, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), o_nuzhdin@mail.ru.

Nuzhdin, O., PhD in History, associate professor, Department of Ancient World and Middle Ages, Institute of Humanities and Arts, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg), o_nuzhdin@mail.ru.